

А. Р. Кучинова

ИСТОРИЯ ДОМА № 9 ПО НАБЕРЕЖНОЙ КАНАЛА ГРИБОЕДОВА

Дом, о котором пойдет речь, стоит почти двести лет в самом центре Петербурга. Он был выстроен в начале XIX века на участке, принадлежавшем Придворной конюшенной конторе, а впоследствии перестроен и надстроен. Три его фасада выходят на Малую Конюшенную улицу, Чебоксарский переулок и на канал Грибоедова, и поэтому дом имеет три адреса: Малая Конюшенная ул., 4; Чебоксарский переулок, 2; канал Грибоедова, 9. Дом образован из двух бывших корпусов Конюшенного ведомства, соединенных общим фасадом, выходящим на Чебоксарский переулок. В центре этого фасада – красиво оформленная полукруглая арка, служащая главным въездом во двор.

Вдоль канала Грибоедова вытянулись в линию протяженностью 443 метра три бывших корпуса Конюшенного ведомства – дома №№ 5, 7, 9. Только дом № 7, трехэтажный, с треугольным фронтоном, наличниками и сандриками, не изменил своего облика с 1850 года. Так выглядели раньше все три дома, но впоследствии дома № 5 и № 9 стали пятиэтажными. Все они одинаково окрашены и бедно декорированы. Дом № 9 – большой, казарменного вида, прочной питерской кладки, лишен архитектурных украшений. Славу принес ему не архитектурный облик, а люди, жившие и творившие в нем. С конца XIX века здесь жили музыканты Придворного оркестра, на базе которого позднее был создан первый симфонический оркестр Филармонии, а с начала 30-х годов XX века в выросшем на два этажа доме поселились писатели.

Этот музыкантский и писательский дом стал неотъемлемой частью городского пейзажа. Каждое здание имеет свой облик и свою душу, созданную жившими в нем людьми и происходившими там событиями. О некоторых из них я и попытаюсь рассказать.

Большая территория в Адмиралтейской части, ограниченная рекой Мойкой, Екатерининским каналом, Большой Конюшенной улицей и Шведским переулком, принадлежала Придворному конюшенному ведомству. Помещения этого ведомства должны были располагаться недалеко от Зимнего дворца и быть достаточно просторными и удобными для размещения лошадей императорского двора, число которых достигало порой полутора тысяч. Бывшие царские конюшни были построены на южном берегу Мойки еще в 1720–1723 годах по проекту архитектора Н. Гербея, одного из строителей Кунсткамеры, и в течение XVIII века неоднократно перестраивались. К началу XIX века над проектами их реконструкции трудились замечательные зодчие. Местоположение этих довольно утилитарных по назначению зданий в самом центре города требовало придать им надлежащий вид.

Квартал был уже застроен, но его планировка оставалась хаотичной. Радиальная реконструкция участка была реализована по плану, созданному архитектором Луиджи Руска. Руска стремился урегулировать застройку за счет укрупнения зданий: три корпуса по Большой Конюшенной улице были объединены в одну протяженную двухэтажную постройку; два прямоугольных корпуса, выходящих на

площадь, объединены в один; на набережной Екатерининского канала вместо пяти разрозненных построек архитектор запланировал построить три складских корпуса и здание госпиталя. Дома соединены друг с другом арками ворот, характерными для творчества этого архитектора. Три складских корпуса, построенные в 1801 году двухэтажными, в измененном виде сохранились до наших дней (дома №№ 5, 7 и 9 по каналу Грибоедова).

Проект реконструкции данного участка был реализован не полностью, так как в 1818 году архитектор покинул Россию. В 1817 – 1823 годах по проекту архитектора В. П. Стасова старое здание конюшен было перестроено с сохранением его фундамента и стен. Перестройка «старых конюшенных зданий по реке Мойке»¹ началась в 1816 году и длилась шесть лет. В РГИА сохранилось описание всех конюшенных зданий, сделанное по окончании перестройки². С 1822 года ведущим архитектором Конюшенной конторы был Смарагд Логинович Шустов. Именно под его руководством и было составлено это «драгоценное произведение», из которого можно узнать о первом и девятом корпусах Конюшенного ведомства, ставших после последующего объединения интересующим нас домом.

Итак, корпус № 1, один из трех складских корпусов, расположенных вдоль набережной Екатерининского канала, был построен архитектором Луиджи Руска в 1801 году. Он был двухэтажным: в первом этаже размещались сараи для экипажей, а во втором – жилые покои для служителей и офицеров Конюшенного ведомства. Девятый корпус, «в Малую Конюшенную улицу трехэтажной с мезонином», был построен в 1825 году. Позднее эти корпуса, как и другие, принадлежавшие Конюшенному ведомству, были перестроены и надстроены, но местоположение их не менялось и фундаменты сохранились. Следующим конюшенным архитектором стал А. К. Буржуа, и под его руководством в 1848 году были надстроены третьим этажом складские корпуса вдоль Екатерининского канала. Таким образом, в 1850 году первый корпус, выходящий на канал, стал трехэтажным, а вскоре и девятый корпус, выходящий на Малую Конюшенную улицу, был перестроен. Было признано по окончании строительства, что работы выполнены «прочным мастерством и хорошего качества материалами»³. Стены домов были одинаково оштукатурены «простым колером», крыши и подоконники сияли красной краской, водосточные трубы – белой.

Из названий архивных дел можно узнать, что в 1860 году было установлено телеграфное сообщение между «Кабинетом Его Величества» и дежурной конюшней, с 1867 по 1870 год в зданиях Придворного конюшенного ведомства установили газовое освещение, деньги за которое платили Обществу столичного освещения. В 1872 году на конюшенных зданиях были установлены газовые рожки. В 1860 году механик Рехенберг был «допущен к устройству ватерклозета», а водопровод во всех отделениях Придворной конюшни установили еще в 1844 году. Деньги за нечистую воду платили Обществу водопроводов. В 1884 году рассматривался вопрос об освещении здания электричеством, а в 1882 году начато дело «о проводе телефонных проволок по крышам придворно-конюшенных зданий». Блага цивилизации не обходили стороной здания Конюшенного ведомства: в 1903 году уже устанавливали ванны в офицерских квартирах. В 1882 году Придворная конюшенная контора была преобразована в Придворную конюшенную часть⁴.

¹ РГИА. Ф. 477. Оп. 8. (33/147). Ед. хр. 1.

² РГИА. Ф. 477. Оп. 8. (42/156). Ед. хр. 124, 206.

³ РГИА. Ф. 477. Оп. 8. (42/156). Ед. хр. 215.

⁴ РГИА. Ф. 477. Оп. 3. (102/1615). Ед. хр. 34.

В том же 1882 году корпуса № 1 и № 9 Конюшенного ведомства решено было отдать только что созданному Придворному музыкантскому хору (хор – старинное название оркестра). Отведенные под проживание музыкантов корпуса были капитально перестроены. Впоследствии их объединили, и вместе они образовали дом Придворного музыкантского хора, один из фасадов которого выходил на Екатерининский канал, второй на Малую Конюшенную улицу, а третий – в Шведский переулок, ставший с 1887 года Чебоксарским.

К этому времени в первом корпусе первый этаж был занят экипажными сараями, на втором этаже было 10 квартир, а на третьем – восемь. В девятом корпусе: первый этаж – девять квартир и покойническая; второй этаж – десять квартир; третий этаж – девять квартир; четвертый этаж – двенадцать квартир⁵. За исключением квартир заведующего хором, его помощника и капельмейстеров, квартиры были небольшие и состояли из одной, двух или трех комнат с кухней. Бездетные музыканты селились, в основном, на втором этаже корпуса № 1, а семейные – в корпусе № 9 и на третьем этаже первого корпуса. Жилья не хватало, и вскоре были выделены еще 24 квартиры в соседнем восьмом корпусе.

Придворный музыкантский хор, переименованный позднее в Придворный оркестр, был создан по указу Александра III. Знаменитый скрипач и педагог Леопольд Ауэр в своей книге «Среди музыкантов», изданной в 1927 году, вспоминает о том, что Александр III в молодости был страстным любителем музыки и, еще будучи цесаревичем, организовал небольшой военный оркестр из музыкантов-любителей (в основном, гвардейских офицеров), в котором сам играл на трубе. 16 июля 1882 года были утверждены Временное положение и штат Придворного музыкантского хора, главной задачей которого являлась игра во дворцах в «Высочайшем присутствии».

В хор были переведены на службу 57 музыкантов и музыкантских учеников из упраздненных тогда музыкантских хоров Кавалергардского и лейб-гвардии Конного полков. Был также объявлен конкурс для вербовки музыкантов в этот оркестр, созданный для личного обслуживания императора и совершенно независимый от оркестров императорских театров. Все члены хора состояли на военной службе, отбывая в оркестре воинскую повинность. Заведующим хором был назначен полковник лейб-гвардии Конного полка барон К. К. Штакельберг, который согласно «Проекту временного положения о музыкантах Придворного хора» являлся «начальником Хора в строевом, хозяйственном и музыкальном отношениях» и пользовался «над всеми чинами хора правами командира полка»⁶.

При поступлении в Придворный музыкантский хор преимущество отдавалось тем, кто играл на двух музыкальных инструментах, так как из штатного числа музыкантов надо было организовать два оркестра – духовой и симфонический. В хор набирались только российские подданные не иудейского вероисповедания⁷. Но так как не оказалось достаточного числа российских музыкантов, умеющих играть на двух инструментах, были приняты десять иностранцев из тех, кто проживали в России не менее пяти лет и, следовательно, могли принять российское подданство. Первым капельмейстером хора был австриец Мартин Григорьевич Франк, вынужденный через шесть лет по болезни уехать из России. Вторым капельмейстером в 1882 году был назначен композитор Герман Карлович Флиге, выпускник Берлинской консерватории. После его смерти в 1907 году старшим ка-

⁵ РГИА. Ф. 477. Оп. 3. (103/1616). Ед. хр. 17.

⁶ РГИА. Ф. 500. Оп. 1. Ед. хр. 1.

⁷ См.: Ауэр Л. Среди музыкантов. М., 1927. С. 115 – 116.

пельмейстером стал Гуго Варлих, прослуживший в оркестре 30 лет и принесший ему заслуженную славу.

В первые годы существования оркестра многие музыканты, получившие серьезную музыкальную подготовку, были недовольны казарменным укладом жизни, военной муштрой, арестами и штрафами. При любой возможности они переходили в оркестры императорских театров, где не было военной дисциплины и оркестранты отдыхали в течение четырех летних месяцев, в то время как музыканты Придворного хора были заняты круглый год. И тогда Константин Карлович Штакельберг сумел добиться крупной реформы в положении оркестра, переведя его в гражданское ведомство и отменив военную дисциплину. 19 апреля 1897 года «Государь Император Высочайше соизволил повелеть: Придворный музыкантский хор, имеющий военную организацию, преобразовать в Придворный оркестр»⁸. Музыканты оркестра получили звание артистов и были уравнены в правах с артистами императорских театров. Всем служащим назначались квартиры или, взамен их, квартирные деньги. Артистам разрешили участвовать в публичных концертах в свободное от службы время. До этого, кроме летних сезонов в Петергофском нижнем парке, публично выступать Придворному музыкантскому хору было запрещено. При дворе оркестр играл по воскресеньям.

С 1893 года по субботам в доме Придворного оркестра, в его «репетиционной зале», находившейся в перестроенных экипажных сараях конюшенного корпуса вдоль Екатерининского канала и рассчитанной на 250 мест, проходили генеральные репетиции, на которые допускались лица, принадлежавшие к высшему петербургскому обществу или дипломатическому корпусу. В этой зале, внешне напоминающей узкий коридор и неудачной в акустическом отношении, с 1902 года начались концерты, получившие название «Оркестровые собрания музыкальных новостей». На них впервые в России исполнялись новинки современных русских и зарубежных авторов. Эти «Оркестровые собрания», инициатором которых был капельмейстер Гуго Варлих, проводились нерегулярно и закончились в 1916 году. С 1902 года оркестр стал также давать публичные концерты во время зимнего сезона, что сыграло немалую роль в музыкальной жизни Петербурга.

Положение музыкантов Придворного оркестра улучшилось, но жилищная проблема до конца решена не была. Всего в доме Придворного оркестра было 83 квартиры, многие из которых были одно- или двухкомнатными «при кухнях». Штакельберг предлагал для увеличения количества квартир и повышения качества жилья существующее здание оркестра надстроить. Согласно эскизам гражданского инженера Гейслера надстройка двух этажей с устройством концертного и репетиционного залов обошлась бы в сумму до 450 000 рублей, и при этом все же не доставало 25 квартир. Ввиду высокой стоимости перестройки, мысль о ней на данном этапе была оставлена. Планировалось купить для размещения артистов оркестра дом Франка на Гороховой улице, 44, но этот план также не был осуществлен⁹.

Начальник оркестра Штакельберг, страстный любитель старины, одновременно с созданием оркестра в 1882 году начал собирать коллекцию музыкальных инструментов и ценную нотную библиотеку. Музыкальный музей, занимавший в то время одно из первых мест в Европе, открылся в 1900 году, и в нем уже было около трехсот инструментов. В музее было пять отделов: инструментальный, технический, акустический, литературно-музыкальный и нотный архив. Вот что можно

⁸ РГИА. Ф. 500. Оп. 1. Ед. хр. 312. Ед. хр. 315.

⁹ РГИА. Ф. 500. Оп. 1. Ед. хр. 349, 395.

прочитать в справочно-адресной книге «Весь Петербург»: «Музыкальный музей в память Императора Александра III (Екатерининский канал, 9). Открыт по вторникам от 11 до 01 часа дня. Бесплатно. Имеет целью собрать все относящиеся к музыкальной науке и музыкальному искусству».

По указу Александра III из Эрмитажа в Придворный музыкантский хор из собрания Александра I была передана скрипка Страдивари 1706 года, а в 1894 году еще и восемь флейт из того же собрания. В доме Придворного оркестра скрипка была похищена, а позже найдена в Европе, о чем сохранилось в РГИА интересное архивное дело 1902 года¹⁰. Коллекция все время пополнялась. В 1900 году Николай II купил для музея у герцога Кобургского комплект рогового оркестра, а через 7 лет вдовствующая императрица Мария Федоровна подарила музею коллекцию богато украшенных персидских инструментов.

После революции, в 1918 году, музей был преобразован в Государственный музыкальный музей, позднее он стал называться Инструментальным и до 1922 года находился в бывшем доме Придворного оркестра. После создания Петроградской филармонии его перенесли в здание филармонии по адресу: Михайловская улица (тогда – ул. Лассаля), 2. Впоследствии музей вошел в состав Эрмитажа, с 1935 года находился в ведении Института театра и музыки на Исаакиевской площади, 5¹¹; с 1984 года стал филиалом Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства¹². С 1997 года Государственная коллекция музыкальных инструментов разместились в Фонтанном доме Шереметевых, в его правом дворцовом флигеле, где проходят абонементные концерты старинной музыки «Пятницы барона Штакельберга». Ценнейшая нотная библиотека Придворного оркестра ныне принадлежит Санкт-Петербургской филармонии.

Основатель музыкального музея и выдающейся нотной библиотеки Константин Карлович Штакельберг в течение 35 лет руководил Придворным оркестром и все эти годы прожил в его доме. Он родился в 1848 году в Петербурге, в дворянской семье, происходившей из прибалтийских немцев; окончил в 1866 году Пажеский корпус, стал историком военно-капельмейстерского образования в России, разработал систему подготовки военных музыкантов и дирижеров. В 1917 году в возрасте 69 лет Штакельберг вышел в отставку и уехал в Эстонию. 30 марта 1925 года он скончался в Таллинне.

Долгие годы капельмейстером оркестра был выдающийся музыкант Гуго Варлих, родившийся в 1856 году в Германии. С конца 70-х годов XIX века он жил в России, принял российское подданство и несмотря на то, что, перейдя в православие, стал Андреем Ивановичем Правдиным, для всех по-прежнему оставался Гуго Ивановичем Варлихом. По воспоминаниям современников, Варлих был энергичным, жизнерадостным человеком, превосходным музыкантом, хорошим организатором оркестра. Он научил музыкантов оркестра великолепно читать с листа, был инициатором «Оркестровых собраний музыкальных новостей» и абонементных концертов для учащихся, организованных в 1912 году с целью воспитания эстетических вкусов молодого поколения. После революции он стал руководителем Первого государственного симфонического оркестра. Г. И. Варлих прожил все годы службы в доме оркестра и умер в 1922 году¹³.

¹⁰ РГИА. Ф. 500. Оп. 1. Ед. хр. 456.

¹¹ См.: Белякаева-Казанская Л. В. Силуэты музыкального Петербурга. СПб., 2001. С. 360.

¹² См.: Демиденко Ю. Б. Музеи Санкт-Петербурга : Справочник. СПб., 1994. С. 70 – 71.

¹³ См.: Гейнина О. А. Из истории придворного оркестра // Фомин В. С. Старейший русский симфонический оркестр. Л., 1982. С. 127 – 128.

В канун революции оркестр имел в своем составе 113 музыкантов. Рассказывая историю дома, нельзя не назвать имена замечательных музыкантов, живших здесь: тубист и педагог В. И. Зинченко, гобоисты Е. А. Елизаров и Г. И. Амосов, кларнетист А. Т. Гришин, валторнист Л. Е. Артемьев, фэготист А. Г. Васильев, арфист Н. И. Амосов, скрипач В. А. Заветновский. В оркестре создавались музыкальные династии Петровых, Буяновских и др.

После февральской революции 1917 года оркестр объявил себя «бывшим придворным» и «явочным порядком» стал Государственным оркестром. Это был первый советский государственный симфонический коллектив, существовавший на правах самоуправления до 1921 года. В этом году пришел приказ об организации Петроградской филармонии и включении в ее состав оркестра в составе 74 музыкантов. Первым директором Филармонии был назначен Эмиль Альбертович Купер, который прежде заведовал музыкальной частью Мариинского театра. В ведение Филармонии были переданы 3 здания: Дворянского собрания, Придворного оркестра и Певческой капеллы. Э. Купер впоследствии вспоминал, что все дома «оказались в крайне печальном состоянии»¹⁴.

Старейшие музыканты, начинавшие играть в Придворном оркестре, продолжали свою работу в Филармонии и жили в доме оркестра, благо находятся эти здания рядом. В бывшей репетиционной зале Придворного оркестра разместились Государственный квартет имени Глазунова, основанный в 1918 году, и созданный через 10 лет Государственный квартет имени Ауэра. В 1932 году там обособилась новая организация ГОМЕЦ – объединение музыкально-эстрадных и цирковых предприятий, в ведение которого входило концертно-эстрадное бюро¹⁵. Заведующим его художественной частью одно время был Юрий Сергеевич Юрский, отец замечательного актера Сергея Юрского.

В начале 1930-х годов начинается новая глава в истории дома. В 1934 году его надстроили двумя этажами, и в этой надстройке в разное время жили известные писатели – О. Д. Форш, В. А. Каверин, В. Я. Шишков, И. С. Соколов-Микитов, М. М. Зощенко, П. Н. Лукницкий, Г. Д. Венус, Е. Л. Шварц, С. А. Семенов, М. Э. Козаков, Л. И. Борисов, Л. И. Раковский, В. К. Кетлинская, Ю. П. Герман; поэты – Б. М. Лихарев, И. К. Авраменко, Л. Н. Браун, М. И. Комиссарова, В. М. Саянов, В. А. Рождественский; литературоведы – Б. В. Томашевский, В. Н. Орлов, Б. М. Эйхенбаум, И. А. Груздев, отчего надстройка получила название писательской.

В 1934 году различные литературные организации были объединены в Союз писателей СССР. Материально-бытовыми вопросами Союза ведал Литфонд, который построил для писателей кооперативный дом на улице Рубинштейна, 7. Этот дом «новой стройки», без кухонь (так как предполагалось, что питание будет общественным), с солярием на крыше, жильцы-писатели прозвали «Слеза социализма». Поскольку квартир все же не хватало, и было решено надстроить двумя этажами бывший дом Придворного оркестра на набережной канала Грибоедова, 9, как предлагал это сделать когда-то барон К. К. Штакельберг. Музыкантский дом стал еще и писательским. Счастливые литераторы, получившие отдельные квартиры, стали называть дом «наш недоскреб».

«Многострадальным» назвал дом переводчик Николай Томашевский, сын известного литературоведа. 1 сентября 1934 года прошло заключительное заседание

¹⁴ См.: Купер Э. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1988. С. 170 – 173.

¹⁵ Из-за финансовых трудностей с сезона 1924/25 года в Большом зале Филармонии стали проходить эстрадные и смешанные симфоническо-эстрадные концерты.

Первого съезда советских писателей, а через 3 месяца в Ленинграде убили Кирова. Началось страшное и зловещее время. До 90 % писателей, вступивших во вновь образованный союз, было репрессировано¹⁶. Вскоре были арестованы и многие из счастливых новоселов.

В 1934 году в доме на канале Грибоедова был арестован Георгий Давыдович Венус, автор книг «Война и люди», «Стальной шлем», «Зяблики в латах» и других. Вернувшись в СССР из эмиграции в середине 20-х годов, он один из первых обличал нарождающийся фашизм. Венус был сослан в Куйбышев, затем вновь арестован и в 1939 году умер в Сызрани, в тюремной больнице.

Были арестованы писатели Д. К. Остров (кв. 86), З. Я. Штейман (кв. 56), М. Г. Майзель (кв. 50), Е. М. Тагер (кв. 55), Я. А. Калнынь (кв. 80), Ю. С. Берзин (кв. 18), Г. И. Куклин (кв. 4). Известного поэта, автора песни на музыку Шостаковича для кинофильма «Встречный» («Нас утро встречает прохладой») Бориса Корнилова (кв. 123) арестовали в 1937 году, а через год расстреляли. В том же году в писательской надстройке был арестован Николай Олейников (кв. 46) – поэт, входивший в литературную группу ОБЭРИУ, редактор детских журналов «Чиж» и «Еж». Арестован и расстрелян был переводчик и критик Валентин Осипович Стевич (кв. 126) – «блистательный остро слов и выдумщик», как писала Е. М. Тагер. В 1938 году арестовали поэта Николая Заболоцкого (кв. 45), его жену с детьми выслали в Уржум. Наказание поэт отбывал в Алтайском ИТЛ НКВД, а его семья вернулась в Ленинград и пережила блокаду в квартире Е. Л. Шварца.

В дневниках и своеобразной «Телефонной книжке», написанной на основе обыкновенной алфавитной книжки, знаменитый драматург-сказочник Евгений Львович Шварц уделил много внимания людям, с которыми жил в одном доме, и событиям, в нем происходящим, описал «страшные своей будничностью» дни блокады¹⁷. Здесь пережил блокаду известный литературовед Борис Михайлович Эйхенбаум, потерявший в эти годы сына, зятя и внучку. Во время войны в подвале флигеля, выходящего на Малую Конюшенную улицу, было импровизированное убежище, в котором многие спасались от налетов. Сюда из квартиры в надстройке переселилась Вера Казимировна Кетлинская, которая сумела спасти грудного сына, но не спасла мать, умершую от дистрофии. В 1947 году появился написанный в этом доме роман Кетлинской «В осаде».

С 1934 года живет в доме семья писателя Михаила Леонидовича Слонимского. Его сын, С. М. Слонимский, стал знаменитым композитором. В писательской надстройке, в левом флигеле, выходящем на Малую Конюшенную улицу, на пятом этаже жил Вениамин Александрович Каверин с семьей. После войны они уехали в Москву. С 1934 года живет в этом доме семья Томашевских. Борис Викторович Томашевский – литературовед, текстолог, лингвист. Его дочь, архитектор-художник З. Б. Томашевская, была одним из инициаторов создания музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме и Литературно-мемориального музея Михаила Зощенко. В эти музеи она передала значительную часть семейного архива и написала интереснейшие воспоминания о своем времени, о своей удивительной семье, о людях, с которыми были тесно связаны Борис Викторович и Ирина Николаевна Томашевские. В этой семье, а затем в дворницкой писательского дома пережила военное время до эвакуации Анна Андреевна Ахматова¹⁸.

¹⁶ Подробнее см.: Распяты. Писатели – жертвы политических репрессий / авт.-сост. З. Дичаров. Вып. 1 – 2. СПб., 1993 – 1994.

¹⁷ Шварц Е. Л. Живу беспокойно... : Из дневников. Л., 1990; Телефонная книжка. М., 1997.

¹⁸ См.: Томашевская З. Б. Петербург Ахматовой: семейные хроники. СПб., 2000.

В послевоенные годы вновь начались репрессии, и тех, кого «недобрали» в тридцать седьмом, ждали аресты. К «многострадальному дому» опять по ночам подъезжали машины. Среди многих были арестованы писатель Б. Д. Четвериков (кв. 35), главный редактор издательства «Советский писатель» Г. Э. Сорокин (кв. 19), в 1948 году арестовали Зою Александровну Никитину (кв. 47) – жену писателя М. Э. Козакова и мать известного актера и режиссера Михаила Михайловича Козакова.

Н. Б. Томашевский вспоминал, что после выхода «чудовищного по сути и непристойного по тону» постановления от 14 августа 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», он, возвращаясь домой после полуночи, часто встречал в подъезде М. М. Зощенко, который ожидал ареста на подоконнике между четвертым и пятым этажами, не желая, чтобы это произошло дома.

Михаил Михайлович Зощенко, обладавший гениальным чувством языка, был исключен из Союза писателей и лишен возможности зарабатывать литературным трудом. Среди немногих, помогавших ему в эти тяжелые для него времена, были его соседи и друзья Слонимские, Томашевские, Козаковы, Гитович и жившая в том же подъезде на пятом этаже Марина Диодоровна Мухранская. В 1953 году Зощенко вынудили поменять свою квартиру № 124, полученную в 1934 году и расположенную на четвертом этаже левого флигеля, выходящего на Малую Конюшенную, на меньшую квартиру № 119, принадлежавшую ранее В. К. Кетлинской. В 1958 году М. М. Зощенко скончался. В 1992 году в доме открылся Литературно-мемориальный музей М. М. Зощенко. В квартире № 119 находится музейная экспозиция, а на фасаде в год столетия писателя установлена мемориальная доска.

На доме висят еще три мемориальные доски, возвещающие, что здесь жили и работали прозаик В. Я. Шишков, поэт В. М. Саянов и поэт В. А. Рождественский. Всеволод Александрович Рождественский переехал в писательскую надстройку в 1949 году и до своей смерти в 1977 году жил в квартире, расположенной на пятом этаже в правом, выходящем на канал флигеле. В 2003 году была установлена еще одна доска с именами, к сожалению, далеко не всех живших здесь писателей.

Невозможно в небольшой по объему работе написать обо всех жильцах «писательского и музыкантского» дома. В пятидесятых годах здесь появились газовые плиты, паровое отопление, в подъездах установили лифты, но многие знаменитые жильцы дома покинули его. Одни умерли, другие уехали, и постепенно дом становился обыкновенным жилым домом, старым и запущенным. Но он еще жив и помнит те времена, когда о нем заботились и регулярно ремонтировали, когда за порядком следили смотритель здания и привратники, а чистоту наводили шесть (!) дворников-мужчин. Сегодня в полуподвальном помещении флигеля, выходящего на Малую Конюшенную улицу, открыли ресторан. В бывшей репетиционной зале Придворного оркестра, в правом флигеле, расположенном вдоль канала Грибоедова, находится художественный отдел Дворца молодежи. Писательским дом называют теперь только по старой памяти, хотя здесь по-прежнему живут семьи Слонимских, Томашевских, Кетлинских, Рождественских...